

Во втором году Тяньци Император лично возглавил армию, и армия Юбэй одержала великую победу.

Великий генерал Шэнь Фэнлань захватил лидера Сиرون живым. Племя Рон потеряло своего последнего лидера. Командир Рон приказал оставшимся племенам сдаться и просить о пощаде, молясь о возвращении в Дайон.

Железная кавалерия Юбэй загнала их в самую глубь пустыни. Без пастбищ и воды, от которых зависит их выживание, их лошади вскоре умрут от голода, а их женщины и дети постепенно увянут и, в конце концов, тоже умрут.

К счастью, Император Дайон принял капитуляцию племени Рон, лично убил лидера Сиرون и назначил командира Рон Королем Шуньнин.

Племя Рон с тех пор стало частью границы Юбэй, приняв цивилизацию Дайон, общаясь с территорией Юбэй и в то же время взяв на себя ответственность за поддержание стабильности границы Дайон.

Генерал Шэнь возглавит армию из 100 000 человек, чтобы охранять территорию Юбэй, как несокрушимый барьер, защищающий народ Дайон на десятилетия.

— В этой битве Дайон не только подчинил себе племя Рон, но и напугал приграничные племена, которые были готовы сделать ход, — Шэнь Цинчжо стоял у городских ворот, глядя на бескрайние луга вдалеке. — Если государство богато, а армия сильна, все принцы будут подчиняться ее политике, и соседи будут бояться ее силы. Тогда в государстве будет мир, и народ будет жить и работать в мире.

Молодой Император стоял рядом с ним, заложив руки за спину, но его глаза не были привлечены пейзажем тысячи миль лугов, а всегда падали на красивый профиль его учителя.

— Учитель говорит с тобой, почему ты в оцепенении?

Не получив ответа, Шэнь Цинчжо не мог не посмотреть в сторону, а затем обнаружил, что Сяо Ци тупо смотрит на него.

— Я услышал все, что Вы сказали, Учитель, — Сяо Шэнь поднял руку, чтобы погладить его волосы, которые развевались на ветру, его тон был нежным и твердым. — Все, чего желает Учитель, однажды сбудется, и я буду упорно трудиться для этого всю свою жизнь.

Он не любил это прекрасное государство, но он любил человека перед собой.

Он провел всю свою жизнь только для того, чтобы его учитель осознал то, что он тоже хотел.

В наступившей короткой тишине Шэнь Цинчжо, казалось, понял глубокие чувства в глазах Императора и медленно взял его за руку.

— Учитель, Вы хотите увидеть луга под закатом? — через некоторое время Сяо Шэнь наклонился к его уху и соблазнительно сказал. — Должно быть красиво, очень красиво...

Шэнь Цинчжо подумал, что не знает, когда он вернется в Юбэй в следующий раз, поэтому он кивнул.

Они вдвоем ехали на высокой и мускулистой боевой лошади и медленно направились к лугам.

Сяо Шэнь сидел на спине лошади, обнимая своего учителя сзади, и спросил у него на ухо.

— Вас не тошнит на такой скорости?

— Все в порядке, — Шэнь Цинчжо погладил слегка колючую черную гриву лошади. — Теперь здоровье Учителя намного лучше, не такое хрупкое.

— Правда?

Сяо Шэнь засмеялся, прижал ноги к животу лошади, и боевая лошадь, наконец, побежала.

— Ах! — воскликнул Шэнь Цинчжо, подсознательно наклонился и крепко обхватил шею лошади обеими руками. — Сяо Ци!

— Чего Вы боитесь, Учитель? Я здесь!

Сяо Шэнь торжествующе засмеялся, поднял своего учителя в свистящем ветре и крепко обнял его.

Тонкая спина прижалась к крепкой груди, и сердце, которое висело высоко в воздухе, мгновенно успокоилось, а затем превратилось в другой вид беспокойства. Шэнь Цинчжо повернул голову и закричал:

— Рана! Рана откроется!

Сяо Шэнь не заботился об этом. Он схватил милую челюсть, прикусил открытые губы и скормил свой горячий язык в них.

Когда Шэнь Цинчжо пришел в себя, юноша держал его лицом к лицу и целовал его, и бегущая боевая лошадь замедлилась.

Горячий поцелуй продолжал падать на кончик красного уха. Сяо Шэнь крепче обнял его и хрипло засмеялся.

— Учитель, Вы хотите попробовать? Прямо сейчас...

Кончик красного уха мгновенно стал красным, как кровь. Шэнь Цинчжо прижался к нему застенчиво и испуганно.

— Не глупи. Если рана откроется, мы все еще сможем вернуться в столицу или нет?

Сяо Шэнь настойчиво приставал к нему:

— Большая дыра была заткнута, как она может так легко снова открыться?

— Сяо Ци, не делай ничего безрассудного только потому, что ты молод и силен... — Шэнь Цинчжо изо всех сил старался избежать страстного поцелуя и смягчил свой голос. — Ци Лан*, давай слезем с лошади и посмотрим закат, хорошо?

*Сяо Ци - полное имя с фамилией, формальное; Ци Лан - только имя, более личное и непосредственное.

“Ци Лан” мгновенно заставило мышцы и кости Сяо Шэня смягчиться, и он, наконец, отпустил своего учителя.

Мужчины слезли с лошади и пошли рука об руку по лугу.

Луга Юбэй ровные и обширные. Закат на далеком небе такой же блестящий, как пламя, покрывая зеленую землю слоем разноцветной одежды. Когда сильный ветер пронесется по лугам, зеленая трава вздымается, как волны, а пейзаж перед ними так же прекрасен, как стихотворение или картина.

Это плодородный луг, за который бесчисленные пограничные племена отчаянно сражались на протяжении всей истории.

Во время ходьбы Сяо Шэнь внезапно остановился и лег на пышную траву в форме большого письма.

— Учитель, лягте и попробуйте. Это очень удобно.

Шэнь Цинчжо на мгновение заколебался, а затем лег, как ему сказали.

Садящееся солнце щедро светило вниз, и он повернул голову, чтобы посмотреть на красивое лицо, которое было так близко к нему.

Сяо Шэнь тоже посмотрел на него и вскоре не удержался, чтобы не приблизиться и нежно поцеловать своего учителя.

Глаза Шэнь Цинчжо слегка сузились. Как раз когда он наслаждался редким теплом и тишиной, его внезапно потянули и перекатили на юношу.

Он быстро поддержался на траве обеими руками, не смея лечь.

— Сяо Ци, что случилось?

Сяо Шэнь поднял голову, прикусил нижнюю губу и расплывчато улыбнулся.

Садящееся солнце постепенно уходило под горы Бэйцюн.

— Цинцин, мой дорогой Цинцин, откройте глаза и взгляни на красивые пейзажи лугов... — Сяо Шэнь целовал дрожащие веки, настаивая, чтобы его учитель открыл свои плотно закрытые глаза.

Ресницы, похожие на перья вороны, распахнулись и вскоре снова закрылись.

— Сяо Ци, я хочу вернуться, вернуться домой...

— Учитель, если Вы назовете меня как-нибудь ласково, я отвезу Учителя домой.

— Ци Лан, А-Шэнь... как назвать...

— Назовите Сянгун*... — С маленькими и горячими поцелуями повсюду Сяо Шэнь злобно улыбнулся. — Учитель, если Вы хотите это сказать, скажите: “Дорогой Сянгун, пожалуйста, отвези Цинцина домой”.

*“Сянгун” - обращение к мужу.

Шэнь Цинчжо не мог этого сказать, но по мере того, как ночь темнела, он мог только молить тихим голосом:

— Дорогой Сянгун, пожалуйста, отвези Цинцина домой...

Взять небо в качестве крова, а землю в качестве спального коврика, и они могут делать все, что захотят.

В конце марта весна была в полном разгаре, и император повел свою армию обратно в столицу.

Городские ворота были широко открыты, и народ в городе ликовал, просто чтобы мельком увидеть лицо императора.

Наконец, издалека раздался грохот лошадиных копыт. Тысячи лошадей и солдат подняли пыль, летящую по всему небу, как будто сотрясая всю дорогу, а также сотрясая сердца людей.

Возглавляла процессию высокая и героическая черная боевая лошадь. Молодой Император был одет в золотые доспехи, что придавало ему врожденное достоинство и величие. Тяжелый шлем скрывал его лицо, и были видны только его темные глаза. Они были темными и острыми и излучали холодную и убийственную ауру, которая заставляла людей невольно подчиняться величии Императора.

Никто не знал, что самый благородный Великий Наставник того времени сидел в повозке позади Императора. Когда ветер случайно проникал сквозь занавески, можно было увидеть проблеск его божественной фигуры.

Среди людей, стоящих на коленях, чтобы приветствовать Императора, некоторые из них осмеливались тайно поднять глаза, мельком взглянули и сразу же потеряли рассудок.

Император подъехал на своей лошади к воротам Шэнь. Все гражданские и военные чиновники уже ждали перед городскими воротами. Услышав эту новость, они все опустились на колени и закричали:

— Добро пожаловать Ваше Величество обратно во дворец! Да здравствует Император! Да здравствует Император! Да здравствует Император-

Сяо Шэнь поднял руку, чтобы подать знак чиновникам встать, ловким движением спрыгнул с лошади, а затем подошел к повозке позади него.

— Учитель, мы здесь.

Стройная рука цвета белого нефрита подняла занавеску, и в полном видении толпы Император осторожно помог Императорскому Наставнику спуститься с повозки.

После этого Император и Императорский Наставник вернулись во дворец в окружении гражданских и военных чиновников.

Вернувшись во дворец, Император наградил три армии в соответствии с их заслугами и специально назначил Великого генерала Шэнь Фэнланя Королем Чжэньбэя, сменив его отца, чтобы убить врага и охранять территорию Юбэй для Дайон до конца его жизни.

Через полмесяца из Юбэй пришло известие о том, что Король Чжэньбэй скончался.

Когда Шэнь Цинчжо получил письмо, он был в кабинете, ругая молодого Императора. Быстро просмотрев содержание письма, он внезапно оперся на стол, как будто был истощен.

— Учитель? — Сяо Шэнь быстро отложил мемориал, обошел стол и поддержал плечо своего учителя. — Что случилось?

Шэнь Цинчжо успокоился и прошептал:

— Отец скончался.

Сяо Шэнь молча обнял своего учителя, позволив ему опереться на него, и нерешительно сказал:

— Учитель... Вы хотите вернуться в Юбэй, чтобы посетить похороны?

— Забудь, — Шэнь Цинчжо поднял руку и обнял его в ответ. — К тому времени, как я поспешу в Юбэй, похороны уже пройдут.

Он уже исполнил свое желание, увидев своего отца в последний раз в этой жизни.

Сяо Шэнь тайно вздохнул с облегчением, но продолжил утешать его:

— Если Учитель захочет вернуться в Юбэй в будущем, я буду сопровождать Учителя обратно.

Шэнь Цинчжо перестал говорить и закрыл глаза в его объятиях.

В течение следующих шести месяцев императорский двор издал указ о развитии коммерческой торговли и начал концентрировать людские и финансовые ресурсы на развитии проектов обеспечения средств к существованию.

Ремонт официальных дорог сделал дороги Дайон доступными во всех направлениях, открытие каналов позволило процветать водному транспорту, строительство водохозяйственных проектов позволило контролировать засуху и предотвращать наводнения, а также энергично продвигать высокоурожайные и засухоустойчивые культуры.

Все, что он делал, было направлено на благо народа.

После начала осени Его Величество отметил свое 20-летие.

В это время гражданские и военные чиновники при дворе Маньчжурии вспомнили, что этот молодой император, который с молниеносной скоростью завоевал границу в течение двух лет после своего восшествия на престол и преобразовал династию Дайон, в этом году еще не достиг совершеннолетия.

Как раз в то время, когда придворные чиновники обсуждали, как провести день рождения Императора с большим размахом, Император ломал голову, пытаясь проникнуть в комнату Великого Наставника.

— Учитель, Учитель! — Сяо Шэнь хлопнул в окно и закричал. — Учитель, откройте окно и впустите меня а!

В комнате было совершенно тихо.

Сяо Шэнь разволновался, повернулся и закричал:

— Сян Чэнь, Учитель в комнате?

Подождите, неужели его учитель снова улизнул, когда он не обращал внимания?

Красивое и невинное лицо внезапно померкло. Он стиснул зубы и подумал в своем сердце, что, если его учитель осмелится снова убежать, он обязательно поймает его и запрет крепко на этот раз...

— Господин в комнате, — Сян Чэнь спрыгнул, держа меч. — Он не выходил с обеда.

Сяо Шэнь нахмурился:

— Тогда почему Учитель не впустил меня?

— Может быть... — Сян Чэнь, казалось, не решался говорить.

— Что ты сказал? — Сяо Шэнь собирался спросить, но услышал, как дверь со скрипом открылась.

Он со скоростью молнии подбежал к двери.

— Учитель, наконец, открыл дверь!

Шэнь Цинчжо сердито посмотрел на него.

— Почему я не открыл дверь? Разве ты не знаешь, что происходит?

— Что случилось? Что я снова сделал не так... — огорченно спросил Сяо Шэнь, спокойно протискиваясь внутрь. — Это из-за той ночи-

Дверь все еще была открыта. Шэнь Цинчжо боялся, что он будет говорить без ограничений, поэтому он бросился вперед и закрыл ему рот.

— Не говори!

Сяо Шэнь бесстыдно поцеловал мягкую ладонь его руки и засмеялся хриплым голосом.

— Учитель, не сердитесь. В худшем случае я позволю Учителю задирать меня в ответ...

Шэнь Цинчжо был одновременно зол и смущен. Он с силой пнул дверь и вошел внутрь.

— Ты правитель государства. Если ты тайно открываешь чужие окна каждый день, чтобы вломиться, где ты сохранишь свое лицо, если это выйдет наружу?

— Как можно назвать взломом открытие окна Учителя? — уверенно ответил Сяо Шэнь, а затем прижался к своему учителю. — Учитель, мой двадцатый день рождения скоро. Какой подарок на день рождения Вы планируете мне подарить?

Шэнь Цинчжо был размягчен им и прошептал:

— Я дам тебе большую пощечину.

— Одна большая пощечина, как этого может быть достаточно? — Сяо Шэнь поцеловал чувствительный кончик уха и взял тонкую руку цвета нефрита, чтобы встретить его лицо. — После пощечины могу ли я попросить подарок на день рождения?

Шэнь Цинчжо полностью рухнул в его объятиях.

— Что ты хочешь?

Сяо Шэнь крепко обнял своего учителя, поглаживая его гладкую и теплую кожу кончиками

пальцев, но его тон не мог быть более серьезным.

— Учитель знает, что я хочу больше всего.

Шэнь Цинчжо перевел дыхание, вывернулся из его объятий и повернулся лицом к нему.

Сяо Шэнь был полон ожидания.

— Учитель?

— Ты все обдумал, Ци Лан? — Шэнь Цинчжо посмотрел в любящие черные глаза и серьезно сказал, — Я никогда не был великодушным человеком. Если я признаю человека, я не потерплю ни малейшего разделения с другими. Если ты предашь меня однажды, я определенно не отпущу тебя легко.

Глаза Сяо Шэня не были наполнены страхом или колебанием, но были наполнены экстазом.

— Я не мог просить большего!

— Ты не можешь иметь три дворца и шесть дворов*, если ты со мной.

*Место, где живут наложницы; гарем.

— Цинцин так красив, зачем мне три дворца и шесть дворов?

— Ты не сможешь иметь детей, если останешься со мной.

— Учитель научил меня любить людей, как своих собственных детей. Все люди в этом мире - наши дети.

Шэнь Цинчжо засмеялся.

— Ты довольно хорошо утешаешь себя.

Глаза Сяо Шэня вспыхнули, и он внезапно опустился на одно колено, умоляя торжественно и благочестиво:

— Учитель, выйдите за меня замуж и разделите со мной обширную территорию Дайон, и дракон взлетит в процветающий мир*.

*“Дракон взлетает в процветающий мир” - период, когда великое государство под ногами императора процветало.

Шэнь Цинчжо опустил глаза и с улыбкой сказал:

— Учитель не хочет, чтобы историки описывали его как злого наложника, который приносит бедствия государству и народу.

Сяо Шэнь взял его за руку и поцеловал ее, а затем согласился на следующее лучшее:

— Тогда... Учитель выйдет за меня?

В этот момент за окном внезапно взорвались фейерверки.

Под отражением чрезвычайно великолепных фейерверков Шэнь Цинчжо мягко сказал:

— Лунный свет сегодня прекрасен.

Сяо Шэнь был слегка ошеломлен.

— Что?

Шэнь Цинчжо помог ему подняться и по собственной инициативе поцеловал тонкие губы своего возлюбленного.

— Я тоже тебя люблю.

Лунный свет сегодня в самый раз, и влюбленные, наконец, поженились.

Автору есть что сказать:

Основной текст закончен! Большое спасибо всем читателям за вашу компанию на протяжении всего пути. Я люблю вас, ребята, как всегда~

<http://bllate.org/book/14566/1290404>